

Title	:	«	»
Author(s)	,		
Citation	Acta Slavica Iaponica, 19, 243-264		
Issue Date	2002		
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/39389		
Type	bulletin (article)		
File Information	ASI19_010.pdf		

[Instructions for use](#)

КОНЕЦ СВЯТОЙ РУСИ: РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В «ПЕПЛЕ» АНДРЕЯ БЕЛОГО¹

КОНО ВАКАНА

Занавес стихотворного сборника «Пепел» (1909) Андрея Белого поднимается бесконечно мрачно, трагично:

Довольно: не жди, не надейся –
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать...

«Отчаянье» (1908)²

Во втором сборнике автор поместил стихотворения, написанные с 1904 по 1908 гг. Атмосферу «Пепла», в отличие от более “оптимистичного” первого сборника «Золото в лазури» (1904), определяет мрачное отчаяние, говоря словами автора, “невольный пессимизм, рождающийся из взгляда на современную Россию” (СП. С. 115).³ К этому читателя готовит само название книги: “поистине весь сборник цвета пепла”.⁴ Большинство стихов «Пепла» написано в 1908 г. Как пишет А. Лавров, это “рекордный год по числу правительственных репрессий... когда, после поражения революции, надежды Белого на общественные изменения угасли и мрачные картины в его восприятии действительности выступили на первый план”.⁵ Новая система, устанавливавшаяся в России, вызывала социальный хаос. Об этом в предисловии к «Пеплу» пишет автор: “Капитализм еще не создал у нас таких центров в городах, как на Западе, но уже разлагает сельскую общину” (СП. С. 115). Своими социальными

1 Приношу глубокую благодарность Д.М. Магомедовой, чье научное руководство очень помогло мне при написании этой статьи.

2 *Белый А.* Стихотворения и поэмы. М., 1994. С. 116. (Далее в тексте – СП.)

3 А.А. Поляков исследует разницу настроений в «Золоте в лазури» и «Пепле» путем сравнения словоупотреблений. См.: *Поляков А.А.* Лирика А. Белого 1904-1908 гг. (Книга стихов «Пепел») // Русское революционное движение и проблемы развития литературы. Л., 1989. С. 62.

4 *Хмельницкая Т.Ю.* Поэзия Андрея Белого // *Белый А.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 28. (Библиотека поэта).

5 *Лавров А.В.* Андрей Белый в 1900-е годы. М., 1995. С. 255.

темами и мотивами сборник напоминает стихи Некрасова, которому Белый посвятил эту книгу.⁶

“Преобладание мрачных тонов в предлагаемой книге над светлыми” (СП. С. 115) порождено общественными изменениями как в социальном, так и в духовном плане, а именно упадком христианства. Упадок “традиционного” христианства и поиск «новой религии» (или «нового христианства») – одна из существенных тем русских символистов младшего поколения. Хорошо известно, что в интерпретации религиозной проблематики на них оказали большое влияние В. Соловьев и Ф. Ницше.⁷

В этой статье хотелось бы коснуться мотивов упадка христианства и возрождения язычества в сборнике «Пепел».⁸ Более конкретно, обратимся к языческим изображениям природы и мотивам змеи, венца, пляски попа и т.д. В известном смысле это исследование может служить комментарием к повести «Серебряный голубь», с которым «Пепел» имеет много сходных мотивов, персонажей и тем.⁹

1. УТРАТА СВЯТОЙ РУСИ, БОЖЕСТВЕННОЙ ЗЕМЛИ

«Пепел» состоит из шести циклов: «Россия», «Паутина», «Город», «Безумие», «Просветы», «Горемыки». Изображение природы в этом сборнике имеет особое значение. Как пишет автор в предисловии, природа – “символы некоей реальности” (СП. С. 114). В последних трех циклах поэт рисует ее противоречиво. Иногда - с сочувствием:

Одинокое, бедное поле,
Сиротливо простертое вдаль.
«В полях» (1907) (СП. С. 183)

Иногда – как враждебную силу:

Многодробные, тяжкие камни
Разбивали о кости мои.

В некоторых случаях он изображает богатый, светлый мир, описанием природы напоминающий цикл «Золото в лазури»:

Рой отблесков. Утро: опять я свободен и волен.
Открой занавески: в алмазах, в огне, в янтаре

6 О некрасовских темах в «Пепле», см.: *Скатов Н.* «Некрасовская» книга Андрея Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988. С. 151-192; *Лавров.* Андрей Белый в 1900-е годы. С. 257-262.

7 См.: *Эллис.* О сущности символизма. Общее определение и обоснование символизма // Русские символисты. Томск, 1996. С. 5-44.

8 Языческие мотивы в «Пепле» см.: *Эткинд А.* Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998. С. 294-397.

9 См.: *Скатов.* «Некрасовская» книга Андрея Белого... С. 188-192.

[...] Там в пурпуре зори, там бури – и в пурпуре бури.
Внемлите, ловите: воскрес я – глядите: воскрес.
Мой гроб уплывает – золотой в золотые лазури.
«Утро» (1907) (СП. С. 190)

А в первом цикле «Россия» природа беспредельно злая, жестокая, лихая. Причина такого различия в том, что в «России» изображен конец старого мира и жизнь в новом, хаотичном мире, а в последних циклах описываются поиски новых духовных ценностей, освобождение от старого мира и новая жизнь после смерти.

На наш взгляд, интересно сравнить описание “пустой” и “холодной” природы в «Пепле» с традицией изображения природы в русских духовных стихах. Мотив “святой Руси” в то время уже был общим местом в русской поэзии, широко использовавшимся клише. К тому же, духовные стихи, былины, обрядовые и исторические песни были подвержены взаимному влиянию, поэтому в них много общих мотивов.¹⁰ Например, духовные стихи о змеборцах испытали “сильное влияние былин (или слагались одновременно, в одних условиях)”, поэтому их композиция, лексика сходны.¹¹ Однако Белый сознательно использовал мотивы духовных стихов, потому что в этом сборнике важным образом являются калики перехожие («Осинка», 1906, «Песенка комаринская», 1907). Существует мнение, что калики перехожие (паломники по святым местам и монастырям) были “создателями и исполнителями духовных стихов в Древней Руси”: “В какой-то мере они были бродячими певцами с серьезным, «божественным» репертуаром; исполнение духовных стихов давало им средства к существованию”.¹²

Белый, должно быть, знал об этом. Однако в стихотворении «Песенка комаринская» калика не поет духовные стихи, а его тень поет бесовские песни и соблазняет калику:

Шел калика, шел неведомой дороженькой: –
Тень ползучую бросал своею ноженькой.

Протянулись страны хмурые, мордовские –
Нападали силы-прелести бесовские.

Приключилось тут с каликою мудреное:
Уж и кипнем закипала степь зеленая.

Тень возговорит калике гласом велием:
«Отпусти меня, калика, со веселием.

10 Селиванов Ф. Народная христианская поэзия // Стихи духовные. М., 1991. С. 25.

11 Там же. С. 308.

12 Там же. С. 4. Ф. Селиванов так и пишет: “духовные стихи, по крайней мере старшие эпические стихи, единственная группа фольклорных произведений, исполнение которых было профессией определенного круга лиц – калик перехожих” (С. 5).

Опостылело житье мне мое скромное,
Я пройдусь себе повадочкою темною»...

(СП. С. 137)

Очевидно, что поэт знал о роли калики как певца духовных стихов. Именно поэтому он использует своеобразный прием - тень калики исполняет бесовскую песню, что лишает святости образ калики переходящего.

Противопоставление “злой” природы в «Пепле» и «божественной» природы в духовных стихах, как и реминисценции из текстов духовных стихов в цикле «Россия», делают очевидными два важных образа: “святой Руси” в духовных стихах и “конца святой Руси” у Белого.

В духовном стихе природа всегда божественна:

Солнце красное от лица Божия...
Зори белая (или «звезды частая») от очей Божиих...
Ночи темная от дум Господних...
Дожди сильные от мыслей Божиих...¹³

В «Пепле» же природа враждебна. Обратимся к образу солнца. В духовных стихах – “Солнце, месяц, звезды и зори – ближе к Богу” (Ф. С. 71), “наш Небесный Царь, / Солнце наше красное!” (Ф. С. 112). А в «Пепле» - “Красное садится, злое око” («Горе». СП. С. 141). Необходимо отметить, что в творчестве Белого “око” – один из сквозных мотивов, тревожный, пугающий образ. Уже в «Пепле» мы находим много примеров: “Жестокие, желтые очи / Безумных твоих кабаков” («Отчаянье». СП. С. 116), “Огоньками злых поверий / Там глядят в простор, / Как растрепанные звери / Пав на лыс-бугор” («Деревня». СП. С. 117), “Мигают злые стрелки / Зелененьким глазком” («Станция». СП. С. 124). “Красное око” прямо ассоциируется со смертью:

«Приходи!»
Над могилой
Трепетом
Колыхается красное око.

«Приходи» (1907) (СП. С. 209)

В предыдущем стихе «Ты» (1906) это же “красное око” - “пунцовая лампадка” (СП. С. 208). Это красное роковое, зловещее око, ведущее человека к смерти и безумию, связано с мотивом солнца и в «Пепле», и в романах.¹⁴

13 Федотов Г. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991. С. 34. (Далее в тексте – Ф.)

14 Имеется в виду, например, “злое” солнце в «Серебряном голубе», которое кружит голову Дарьяльского и затуманивает его разум. “Солнце стояло уже высоко[...] а все же светило, но казалось, что душит, что кружит голову, в нос забирается гарью, простертою не то от изб, не то от земли, перегорелой, сухой: был день и злой...” Белый А. Серебряный голубь. М., 1995. С. 35. (Далее в тексте – СГ.)

Обратимся теперь к образу ветра. В духовном стихе “почти всегда ветры происходят от Святого Духа, который мыслится здесь как дыхание Божие. Иногда сами ветры называются Божиими Духами” (Ф. С. 66). И “в огромном большинстве случаев «Дух Святой» означает силу Божию, посылаемую Богом (Христом) благодать и все действия этой силы, особенно таинственные, в материальном мире” (Ф. С. 31).¹⁵ А в «Пепле» ветер – “лихой” (СП. С. 133), когда мы читаем строки:

Листочком

Всхлипнет ветка осиновая.

«Памяти» (1907) (СП. С. 207)

мы ощущаем, как дует ветер, который колеблет зловещие осиновые листочки. Так ветер ассоциируется с мотивом смерти.

В духовном стихе роса – слеза «Его, самого Христа» (Ф. С. 34), а в «Пепле» совсем наоборот, росы – украшение “соблазнительницы”, “демонической” осинки (“Твой посох / В серебре / Да в серебряных росах”) («Осинка». СП. С. 134).

Интересен образ “сырой земли” в стихах Белого. Как известно, в духовных стихах эпитет земли-матери – “сырая”. “Увы, мать, сыра земля, возьми меня к себе (Ф. С. 50)”, “Телеса наши от сырой земли” (Ф. С. 67), “Роняла слезы на сырую землю” (Ф. С. 68), “Воплотив Свят Дух / Во сырую землю” (Ф. С. 69), “Сыра матушка, мать-земля питомая, / Простите грешную! Аминь” («Покаянный стих»),¹⁶ “Растужилась, расплакалась матушка сыра земля / Перед Господом Богом”,¹⁷ “Каялся-то доброй молодец сырой земли, / Как сырой земли да сырой матери” («Непрощаемый грех»)¹⁸ и т.д. Что означает “сырая”? Это божественное богатство земли, по словам Федотова, “мать-земля – это прежде всего черное, рождающее лоно земли-кормилицы, матери пахаря, как об этом говорит постоянный ее эпитет «мать земля сырая»” (Ф. С. 71).

В «Пепле» же сырость ассоциируется не только с холодом, мглой, туманом:

Туманится в сырости – тонет

Окрестностей никнущих вид

«Бурьян» (1905-1908) (СП. С. 129)

но и со злой осинкой:

В сердитой сырости,

Листами трескочет...

«Осинка» (СП. С. 133)

15 См. также: *Федотов*. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. С. 70, 98, 174.

16 Стихи духовные. С. 174.

17 Там же. С. 170.

18 Там же. С. 170.

и с могилой:

Был окован могилой сырою,
Надо мною качался крест.

«Туда» (1907) (СП. С. 196)

В «Пепле» часто повторяется эпитет “сырая” по отношению к земле, и, очевидно, автор знаком с традицией фольклора и духовного стиха. В этом контексте словосочетанием “сырая могила” автор осознанно снижает смысл эпитета “сырая” (которое ранее было синонимом “божественная”) и тем самым образ “матери-земли”. Отметим, что в духовных стихах Богоматерь страдает для того, чтобы родить Младенца, т.е. для спасения человечества (Ф. С. 21, 23, 49-50), а в «Пепле» люди страдают от “немой, суровой матери”, России (СП. С. 120). В русской народной традиции народ “переносит на мать-землю значительную часть того комплекса религиозных чувств, которые обычно у него связаны с Матерью Божьей” (Ф. С. 57). Таким образом, лишенное святости изображение русской земли символизирует упадок христианства, иными словами, конец святой Руси.

2. СНИЖЕНИЕ “СВЯТОГО НИЩЕНСТВА”

В стихотворениях Ф. Тютчева русские “бедные селенья” - это святой, божественный простор:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.

«Эти бедные селенья...»¹⁹

В «Пепле» же нищета ассоциируется со смертью, и нет никакой надежды на спасение и возрождение на том свете:

Века нищеты и безволя.
[...]Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея...

«Отчаянье» (СП. С. 116)

Поля моей скудной земли
Вон там преисполнены скорби.
[...]Россия, куда мне бежать
От голода, мора и пьянства?
[...]Там Смерть протрубила вдали

«Русь» (1908) (СП. С. 142-143)

¹⁹ Тютчев Ф. Лирика. М., 1965. Т. 1. С. 161.

Голодающий, бедный народ;
[...]«Умирай –
Как и все умирают...»
[...]Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой –
Мать Россия, о, родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

«Родина» (1908) (СП. С. 143)

Святое нищенство – повторяющийся мотив русских духовных стихов. Г. Федотов замечает, что два излюбленных русских духовных стиха служат прославлению нищенства: “Высокая оценка нищенства и бедности, конечно, является общенародным и даже общехристианским достоянием” (Ф. С. 15).

А в «Пепле» “святой” бедный странник идет не в монастырь, а в кабак:

По полям, по кустам,
[...]Спешит бобыль-сиротинка
Ко святым местам –
[...]Зашел в кабачишко...

«Осинка» (СП. С. 133-135)

Шел калика, шел неведомой дороженькой[...]
«Ты такой-сякой комаринский дурак:
Ты ходи-ходи с дороженьки в кабак...

«Песенка комаринская» (1907) (СП. С. 137-138)

Паренек вздыхает, молится
На мглу[...]
– «Оставь:
Я в Киев».

– «Заходи–
В хату мою:
До зеленых змиев
Напою».

«Горе» (1906) (СП. С. 140-141)

Нищенство уже не обещает духовную чистоту или спокойствие, счастье, в отличие от Библии. Здесь, очевидно, сломался старый “божественный” канон.

3. ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЗМЕЯ КАК СИМВОЛА СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

В «Пепле» мы найдем стихи, в которых языческие мотивы выражены и в скрытой, и в явной форме. Последние помещены в четвертом цикле – «Безумие», например, стихи «Полевой пророк» (1907), «На буграх» (1908), «Полевое священнодействие» (1908), «Последний язычник» (1908).

Однако уже в начале этой стихотворной книги, в первых стихах цикла «Россия» ощущается мотив возрождения язычества.

В стихах этого цикла изображены судьбы разных героев, например, каторжника («Каторжник»), телеграфиста («Телеграфист»), странника («Осинка»), арестанта («Арестанты»), лирического романтического героя («Шоссе») и т.д. Но в первых двух и последних двух стихотворениях цикла («Отчаянье», «Деревня», «Русь», «Родина») поэт более обобщенно описывает безнадежное состояние Родины. В стихах господствует ощущение смерти и конца мира, которое воплощено в эсхатологических мотивах, например, в образе трубы апокалипсиса:

От голода, холода тут
И мерли, и мрут миллионы.
Покойников ждали и ждут
Пологие скорбные склоны.

Там Смерть протрубила вдали
В леса, города и деревни,
В поля моей скудной земли,
В просторы голодных губерний.

«Русь» (СП. С. 142-143)

В стихотворении «Деревня» мы найдем другой апокалиптический образ - Змея.

И над дальним перелеском
Просверкает пыл:
Будто змей взлетает блеском
Искрометных крыл.

(СП. С. 117)

Блеск, “будто змей”, в небе воспринимается не как северное сияние или падающая звезда, а именно как молния. Подобную же метафору змея-молнии использует А. Фет, любимый поэт Белого, в стихотворении «Змей» (1847):

И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит все ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенной крышей
Рассыпается огнем.

А. Фет «Змей»²⁰

Как отмечает современный мифолог А. Голан, змей олицетворял молнию в разных мифологиях.²¹ В «Славянской мифологии» читаем: “из

²⁰ Но у Фета присутствует определенный эротический оттенок, а у Белого его нет.

²¹ Голан А. Миф и символ. М., 1993. С. 79.

пасти Змея вырывается пламя, его полет сопровождается гулом, громом, бурей. В народных верованиях Змей имеет вид молнии, метеорита, летящих огней”.²²

Кроме того, и в русских сказках змей - “существо огневое”. Змей “пламенем палит, когтями рвет”, в другой сказке змей “испустил из себя пламя огненное, хочет сжечь царевича”.²³ “Летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит”,²⁴ – если наблюдать эту картину в высоком небе снизу, с земли, то это воспринималось бы как молния.

Анализируя образ змея в «Деревне», необходимо отметить следующее. Как в апокалипсисе, так и в славянской мифологии и сказках змей обозначает не змею, а страшного мощного дракона. В русской сказке «Никита Кожемяка» змей с каждого двора по красной девке возьмет и съест, также и в «Сказке про змея» он летает и пожирает людей.²⁵ В сказке «Змей и цыган» он назван “чудовищем проклятым”.²⁶ В книге «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп дал суммарную характеристику образа змея в русских сказках: “змей прежде всего и всегда – существо многоголовое”, “существо летучее” и “похищает женщин”.²⁷ И в русских лубочных картинках змея изображают с “когтистыми лапами и длинным хвостом с острием”.²⁸

То, что слово «змей» является синонимом дракона, мы видим и в апокрифе, и в русских духовных песнях. Певцы русских духовных стихов любили тему змеборства и перерабатывали содержание греческих апокрифов в народном стихе. О подвиге змеборца – св. Федора Тирянина, который освободил свою мать от змея, поется в духовном стихе:

Потопляет кровь змеиная,
И доброму молодцу по белу грудь...

И св. Федор молвит Богу:

Прожри кровь змииную,
Не давай нам погибнуть
Во крови во змииные.²⁹

22 Славянская мифология. М., 1995. С. 196.

23 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. С. 217.

24 Там же. С. 217.

25 Русские народные сказки. М., 1992. Т. 1. С. 187-190.

26 Там же. С. 191.

27 Пропп. Исторические корни волшебной сказки. С. 216-218. О признаках сказочно-го чудища Змея подробно см.: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994. С. 129-130.

28 Там же. С. 217.

29 Веселовский А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов // Сб. отделения русского языка и словесности императорской академии наук. Т. 20. № 6. СПб., 1880. С. 5-6.

Рис. 1. Иллюстрация к былине «Дюк Степанович». Подготовительный контур. Последняя работа И.Я. Билибина. 1941.

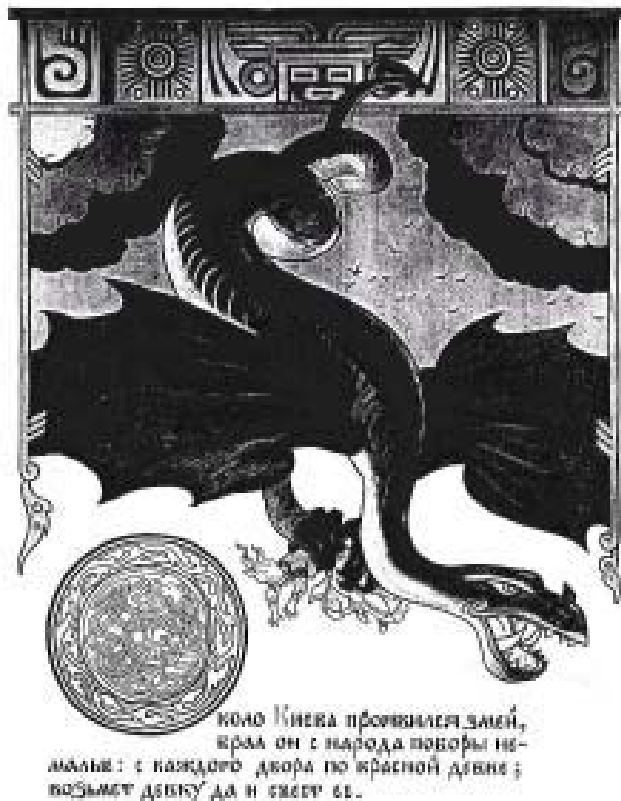

Рис. 2. Иллюстрация к сказке «Никита Кожемяка». В. Лукьянец.

В духовных стихах о более известном змеборце, св. Георгии, также фигурирует змей:

Садился он на осла на белого,
Он и бьет змея буйного...³⁰

То, что в русской культурной традиции змей означает дракона, свидетельствуют и иллюстрации к сказкам и былинам, и православные иконы. Например, в иллюстрации к былине «Дюк Степанович» И.Я. Билибина, современника Белого змей изображен с лапами, крыльями и многоглавым (рис. 1).³¹ Эта традиция прослеживается до наших дней. Например, в детской иллюстрированной книге «Сказка. Никита Кожемяка», изданной в 1982 г. (художник – В. Лукьянец), изображен огромный змей с крыльями, лапами и клыками (рис. 2).³²

30 Бессонов П. Калики переходящие. М., 1861. Т. 1. С. 521. См. также: Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов... Т. 21. № 2. СПб., 1881.

31 Иллюстрация к былине «Дюк Степанович». Подготовительный контур. Семенов О. Иван Билибин. М., 1996. С. 6.

32 Сказка. Никита Кожемяка. М., 1982. Кстати, тираж этой красивой детской книги – 100000 экз. Таким образом, наследуется понимание традиционного образа змея как чудовища в следующем поколении.

Обратимся к сборнику икон и гербов о борьбе св. Георгия и змея «Святой Георгий Победоносец». Везде змей изображается как дракон.³³ У всех змеев на иконах есть крылья и лапы, например, у змея на иконе «Чудо Георгие о змие» (вторая половина XV в., Новгород) (рис. 3).³⁴ У змея на иконе «Святой Георгий в житии» (первая половина XVI в.) изображены клыки.³⁵

Итак, змей традиционно изображался как чудовище. Но что он символизирует в мифологии и литературе? Во многих традициях змей представляется как негативный образ, смерть, страсть, опасность и соблазн.³⁶ Он часто ассоциируется с концом мира в мифологии, поэтому мы можем считать его одним из эсхатологических мотивов в «Пепле».³⁷

В русских духовных стихах змей – символ зла и греха. Обратимся к стиху «Плач Адама» о крещении Христа. Г. Федотов так о нем пишет: «Обновление мира крещением Христа связывается с очистительной силой водной стихии и мыслится по аналогии с крещением-таинством. В лице Христа как бы крестится, очищаясь от грехов, вся земля». И в продолжение Федотов цитирует стихи:

Рис. 3. Чудо Георгия о змие. Вторая половина XV в., Новгород. Дерево, яичная краска. Государственный Русский музей, С.-Петербург.

33 Вилинбахов Г., Вилинбахова Т. Святой Георгий Победоносец. Образ святого Георгия Победоносца в России. СПб., 1995.

34 Там же. С. 50-51.

35 Там же. С. 72-73.

36 Ad de Vries, *Dictionary of Symbols and Imagery* (Holland, 1984).

37 В германской мифологии змей среднего мира «как главное воплощение космического зла играет основную роль в предстоящей гибели мира». А в египетской мифологии «прабожество Атум в конце мира должно вернуться в виде злой змеи Урей в хаос, из которого оно некогда возникло». См.: Мифы народов мира. М., 1991. С. 470. «Пепел» наполняется эсхатологическими мотивами: пыль, дым, смерть многих людей. Об эсхатологических мотивах в творчестве Белого см.: J.D. Elsworth, *Andrey Bely: A Critical Study of the Novels* (Cambridge, 1983); D.M. Bethea, *The shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction* (Princeton, New Jersey, 1989).

В водах Иорданских
Крещается Бог всех,
Ту грех потопляет,
Змием главы сокрушает.

(Ф. С. 38)

Очевидно, что в этом духовном стихе змей символизирует грех. В оригинале стиха он ассоциируется с дьяволом. Исследуя книжный источник «Плача Адама», автор отмечает: «Его (книжный источник. – В.К.) мы действительно находим в апокрифах, где повествуется о том, как рукописание, которым Адам отдавал себя в рабство дьяволу, было начертано на камне и камень этот лежал на дне Иордана, охраняемый двенадцатью змеиными главами. Когда Христос крестился, он сокрушил в воде змеиные главы» (Ф. С. 38-39).

Исследование образа змея в «Деревне» Белого с этой точки зрения совершенно обоснованно, поскольку, как мы отметили в первой части работы, Россия, изображенная в «Пепле», – “злая”, “туманная”, “скудная”, “немая”, “лихая”, “пустая”, ей далеко до “очищенной от грехов земли”. “Возвращение” змея в виде молнии в русскую землю можно интерпретировать как утрату святой Руси.

В этом отношении более интересно и значительно то, что змей является символом язычества.³⁸ Мы видим много таких примеров в духовных стихах о змеборстве, например, о св. Георгии, который спас город и деву от змея.³⁹ В разных версиях этих стихов жители города не верили в Христа, но после спасения Георгием от змея они все крестились. Например, в болгарских песнях “приурочивают его чудо к какому-то Трояну-граду, где царит неверный царь Латин, т.е. Латинин; его-то дочь, выведенную на пожранье змею, спасает Георгий, а царя и народ крестит”.⁴⁰ Ф. Селиванов пишет, что освобождение царской дочери от змея - не главное в стихе: “город и государство остаются обреченными на уничтожение змеем, если они не вернуться в лоно христианской веры или не примут ее (в другом варианте)”.⁴¹ В подтверждение того, что змей является симво-

38 И в древних иранских и индийских мифах борьба божественного героя со змеем символизирует борьбу старой и новой религии. Как пишет А. Голан, “в этом мифе отразились отношения эпохи, начавшейся на рубеже 3 и 2 тыс. до х.э. и завершившейся становлением христианства”. См.: *Голан. Миф и символ*. С. 82.

39 В русских духовных стихах и в европейской мифологии, фольклоре есть немало общих символов, подобных негативному образу змея. А.Н. Веселовский в исследовании русских духовных стихов пишет: “символизм первых веков христианства широко воспользовался старою семито-арийскою фигурою дракона-змея и сделал его постоянным символом дьявола, ада и всего враждебного благочестивым людям: язычества, ереси”. См.: *Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов...* Т. 21. № 2. С. 70-71.

40 Там же. С. 74.

41 *Селиванов. Народная христианская поэзия*. С. 10.

лом язычества, Веселовский цитирует слова болландистов о том, что женщина, которую св. Георгий спасает от змея, – царица Александра жития, обращенная св. Георгием, т.е. спасенная им от дракона-язычества.⁴²

В «Пепле» представлено несколько образов змея. В «Осинке» поэт употребляет выражение “Зеленый Змий”, который здесь просто означает пьянство.⁴³ В «Пепле» эта тема почти не раскрывается, а в «Серебряном голубе» пьянство является одним из важных сектантских мотивов. В стихотворении «Последний язычник» (цикл «Пепел»), в котором герой служит языческие “свои обедни”, как “верный, старый поп”, облака изображаются в виде змея:

Над золотой, вечернею рекой
Свивают кольца облачные змии
Скорей, скорей, – о поле, упокой
В твоей бездомной кинонии.

(СП. С. 187)

И в «Серебряном голубе» языческое пространство изображается с использованием образа змеи. По поверхности пруда, у которого часто сидит “рябая баба”, сектантка, “бежит золотая змейка, за ней другая, третья: промеж них синенькие морщинки, воды бегут, разбиваясь о берега, весело поплескивающей водой” (СГ. С. 180).

Кстати, в одном из вариантов стихов о Георгии мы найдем интересную связь змея и молнии: “по понятию туземцев, гроза есть не что иное, как преследование змея св. Георгием на летящем коне; гром – это звуки от его ударов, молния – стрелы, которыми он поражает врага. То-же представление о Георгии в связи с явлениями грозы известно и в русском суевериях”.⁴⁴ Вполне возможно, что Белый знал об этой связи и отразил ее в «Деревне», поскольку об этом и Афанасьев пишет в «Поэтических воззрениях славян на природу»: «...во время грозы Георгий Победоносец, подобно Илье-пророку, разит огненными стрелами или молниями дьявола, который ищет спасения в бегстве».⁴⁵

Но можно ли утверждать, что в сознании Белого в начале 1900-х годов змея ассоциируется со змееборцами? В 1907 г., когда создавался цикл «Пепел», Белый писал в рецензии на книгу А. Блока «Нечаянная Радость»: “В прекрасных стихах расточает автор ласки чертенятам и дракончикам. Опасные ласки! Ведь любой дракончик может вытянуться в настоящего дракона (туманы, как известно, растут). Рыцарь Жены всегда – в борьбе с Драконом. А вот превратился Дракон в дракончика, и

42 Там же. С. 71.

43 “Здесь шатаются пьяные– / Места лихие / Зеленого Змия»” (СП. С. 135)

44 *Веселовский*. Разыскания в области русских духовных стихов... Т. 21. № 2. С. 86.

45 *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1. С. 704. См. также: Там же. М., 1994. Т. 2. С. 517.

Рис. 4. Герб Москвы времени царствования Александра III. 1881-1894. Бумага, акварель. Государственный Эрмитаж, С.-Петербург.

поэт его пожалел: пожалел и пригрел. Помнит ли он, что с нечистью шутки плохи?»⁴⁶

Вспомним, что Белый родился и жил в Москве, на гербе которой изображены св. Георгий и змей⁴⁷ (рис. 4).

Итак, должно быть ясно, что в основу образа змея в «Деревне» сознательно положена легенда о змееборце. Зададимся вопросом: что означает возвращение змея, убитого св. Георгием в древности? Поскольку змей является символом язычества, это означает конец святой Руси, построенной Георгием, и возрождение язычества. Если вспомнить, что Георгий Победоносец – «покровитель Москвы и русского государства»,⁴⁸ по становится понятным, что змей – враг не только Георгия, но и всей русской земли.

Надо также отметить, что в стихах о змееборцах змея почти всегда является врагом женщины. Так, св. Егорий (Георгий) освободил Елисавету, обреченную змию (Ф. С. 60-61). Вообще в русских духовных стихах змей – враг девы, царевны, матери змееборца или матери – сырой земли. По словам Федотова, св. Федор ратоборствует для «спасения отцовского царства от врагов и своей матери от змея» (Ф. С. 99). Видим ли мы в «Пепле» какие-нибудь важные женские образы? Только образ матери-России. Значит, языческий змей – враг земли Российской.

46 *Белый А.* Нечаянная радость // Критика. Эстетика. Теория символизма. М., 1994. Т. 2. С. 414. В этом контексте змея в «Пепле» обретает другой смысл, как отзвук и перефразировка слов Блока. Другие важные мотивы и темы в «Пепле» (например, мотив куста, тема полевого язычества) тоже можно исследовать с точки зрения полемического характера этого сборника (Мотив куста в переписках Блока и Белого см.: *Топоров В.Н.* «Куст» и «Серебряный голубь» Андрея Белого: к связи текстов и предполагаемой «внелитературной» основе их // Блоковский сборник XII. Тарту, 1993. С. 91-109.)

В творчестве Белого достаточно примеров полемики с Блоком. См.: *Магомедова Д.М.* Переписка как целостный текст и источник сюжета (На материале переписки Блока и Андрея Белого, 1903-1908 гг.) // Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М., 1997.

47 *Вилинбахов, Вилинбахова.* Святой Георгий Победоносец... С. 134-140. «Петром всадник московского герба впервые был назван святым Георгием Победоносцем» (С. 134).

48 *Славянская мифология.* С. 131.

В России почитание Георгия началось со времени принятия христианства в конце X в. Георгий был “святым патроном византийских императоров”, и этому примеру следовали русские князья. “Особенно много для утверждения культа Георгия сделал киевский князь Ярослав Мудрый, принявший при крещении его имя. В честь своего святого покровителя в 1030 г. он основывает город Юрьев”. Позже развитию культа Георгия способствовал Юрий Долгорукий.⁴⁹ Таким образом, св. Георгий глубоко связан со временем начала христианства в России. Поэтому возвращение змея, убитого Георгием, вызывает ассоциацию с концом христианской Руси.

4. Пляска попа: разве “кто ни поп, тот и батька”?

Один из важных мотивов, связанных с упадком христианства в «Пепле», – смешной пляшущий поп («Веселье на Руси», 1906). Конечно, Белый был не первый, кто изобразил смешного попа. В русских сказках, как известно, смешной поп – такой же популярный персонаж, как и смелый все знающий солдат. Мы видим такие примеры и в русской литературе, например, в «Сказке о попе и о работнике его Балде» А.С. Пушкина и в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В основном образы попа в русских сказках (а также у Пушкина, Некрасова) и в «Пепле» совпадают. Однако есть и существенное различие. Общее – комичность попа, а различие в том, что в «Пепле» поп – крайне кощунственный персонаж и ярко отражает представление автора об упадке христианства.

Дьякон, писарь, поп, дьячок
Повалили на лужок[...]

Наплевать да растоптать:
Веселиться, пить да жрать.

Гомилетика, каноника –
Раздувай - дува - дувай, моя гармоника!

Дьякон пляшет –
– Дьякон, дьякон –

Рясой машет–
– Дьякон, дьякон –

Что такое, дьякон, смерть?

(СП. С. 131-132)

Как видим, в этом стихотворении поп веселится, пляшет и даже стоит на голове (“Носом – в лужу, пяткой – в твердь”), он далек от почтенного, уважаемого священника. Именно таков поп в русских сказ-

49 Об истории культа Георгия см.: *Вилинбахов, Вилинбахова*. Святой Георгий Победоносец... С. 5-22.

ках. В лучшем случае он добрый и легковверный до смешного: верит нанятому работнику, хорошо его угощает и обманывается («Добрый поп», «Блины да пирожки»).⁵⁰ В большинстве же сказок поп - жадный глупый обжора: “поп был скупой на хлеб-соль, но жестокий к работнику” («Поклоучу всех») (Сказки. С. 163). В худшем случае поп играет в карты («Дом в светлоте») (Сказки. С. 152-153), сходится с женой другого («Умный работник») (Сказки. С. 184-186), “великий охотник до молодых баб” («Поп ржет как жеребец») (Сказки. С. 178), нюхает табак во время службы («Нюхаши») (Сказки. С. 192), позволяет жене прятать молоко и сметану в “святой” церкви от голодного работника (ведь они его не кормили!) («Мечь работника») (Сказки. С. 156-158)... развлекается, как только возможно. Но в конце сказки попа всегда легко обманывает его работник или прихожанин, обиженный на попа.⁵¹ Поп в сказках – скорее, просто “смешной дурак”, чем злой, хитрый человек. В них ощущается естественное желание народа насмеяться над “чванным, властным, жеманным” священником. Как сказал бы Бахтин, это функция “карнавального смеха”.

А каков поп у Белого? В стихотворении «Поповна» в «Пепле» жеманница поповна занимается игрой любовной с семинаристом в густой рожии целую ночь. Поп “корит жестоким словом / Покорную жену” о том, что она недоглядела дочери, и “с дебелий попадьей / Всю ночь бранится он” (СП. С. 199). Поповская семья – далеко не идеальный образец семьи, а поп – жестокий, бессильный, пошлый отец.

В процитированном выше стихотворении «Веселье на Руси» поп – наследник русских сказок: он также смешон. (Иначе говоря, сказки служат контекстом для этого короткого стихотворения). Вспомним еще одного попа, созданного Белым, - отца Вукола Голокрестовского в «Серебряном голубе». Он “славный поп”, но надо отметить, что эпитет “славный” в этой повести используется очень иронически.⁵² Поп Вукол - большой любитель рябиновки и жирных пирогов. Пирог с “необъятными стенками и очень тоненькой прослойкой капусты”, испеченный попадьей, - словно метафора попа и попадьи, которые жеманятся, хотя у них нет никакой славной “начинки”. Над попом насмеются все прихожане, потому что в пьяном виде у него проявляется странная привычка изображать взятие мощной крепости Карса под музыку, размахивая руками (СГ.

50 Русские народные сказки. М., 1992. Т. 3. С. 159-160. (Далее в тексте – Сказки).

51 Например, в сказках «Тит - работник», «Поминки», «Поп и солнце», «На сенокосе», «Мешков брат», «Я, Никого, Караул», «Как работник золу копил» и т.д.

52 Рассмотрим еще один пример употребления эпитета “славный”. “Таков поп в Целебееве: *славный* поп, другого не сыщешь, другому не дойти до всего такого, ей-Богу, не дойти! Вот какое наше село, вот какие люди в нем проживают: *славное* село, *славные* люди! Но не видано нигде, чтобы друг с другом в ладу жили *славные* соседи...” (выделено нами. – В.К.). (Белый. Серебряный голубь).

С. 23-30). Очевидно, что он многое наследует от смешных своих “коллег” в русских сказках.⁵³

Тогда в чем различие между попами в сказках и у Белого? Мы уже отметили кощунство попа у Белого в стихотворении «Веселье на Руси», оно заключается в том, что поп пляшет. Ниже мы обратимся к литературе о славянском язычестве, и станет ясно, что пляска священника имеет важное значение.

“Проклять всякъ, иже кто оставит церковь божию и последует русалиям” – это слова св. Нифонта, адресованные участникам русалий и записанные в свитке, который держит в руках святой в известных образках XVIII в. (рис. 5).⁵⁴ В

«Слове святого Нифонта о русалиях», написанном в Ростове в 1220 г., есть такие слова: “сопели и гусли, песни неприязньскы, плясания, плескания – собирают около себе студныя бесы”.⁵⁵ Церковное представление с музыкой, песнями, пляской, русалиями, игрищами

глубоко связано со славянским язычеством. На самом деле, пляска имеет особое значение в язычестве. Скопцы и хлысты заменяли общественное моление “быстрым кружением”, они думали, что силой кружения вызывается “дар пророчества”.⁵⁶ У других славян-язычников гусли и скомоорохи являлись на игрища с музыкою, пели, плясали, участвовали и в религиозных обрядах.

Христианское духовенство сильно порицало это и “с неприязнею и суровостью отнеслось к музыке, песнями, плясками и ряженью”.⁵⁷ До

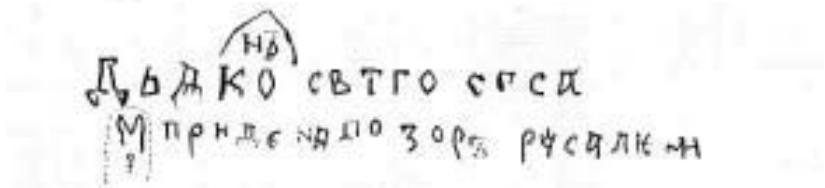

Рис. 5. Иконка Нифонта «Бесопрогонителя» (XVIII в.). С надписью на свитке: «Проклять всякъ, иже оставит церковь божию и последует русалиям». Внизу – надпись XII-XIII вв. на стене церкви Спаса на Берестове: «Дьякон святого Спаса приде на позор (на зрелище) русалиями».

53 Легко найти примеры такого попа-обжоры в сказках, например: «Месть работника», «Испытание», «Как поп работников морил», «Не помилую» и т.д.

54 Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 690.

55 Там же. С. 689.

56 Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 337.

57 Там же. С. 339. См. также: Рыбаков. Язычество древней Руси. С. 121.

конца XVII столетия духовенство протестовало против народных игрищ. Как св. Нифонт, так и другие церковные писатели считали, что на них пляшут с бесами, и называли языческие обряды, включавшие пляски, «игрищами бесовскими», «играми идольскими», «игрищами неподобными». ⁵⁸ Скоморохов считали такими же бесами, как и чудовищ: “Бес может явиться в образе зверя, змея, черного пса, медведя, волка, воина, разбойника, монаха, инородца, *скомороха* (курсив наш. – В.К.)”. ⁵⁹ Поскольку в церковных поучениях пляска, гусли, игрище считались „злым и скверным делом”, ⁶⁰ совершенно естественно, что священникам категорически запрещалось плясать и даже наблюдать пляску ⁶¹ (рис. 6).

Рис. 6. «Игрища межю селы». Ритуальный танец русалий в русской деревне XI-XII вв. (миниатюра Радзивилловской летописи).

Знал ли Белый об этом? Несомненно. Следует вспомнить эпизод из «Серебряного голубя» - разговор между попадьею и Петром Дарьяльским в доме попа. Дарьяльский, пьяный от очаровывающего “вина” секты и утративший разум, рассказывает жителям деревни об известной смешной привычке попа:

– Ничего, – продолжает Дарьяльский, – все ничего: все можно: будем же радоваться; гитарой бы, батя, *трыкнули*, сладкой струной увеселились, до колеса в груди. Славьте Господа Бога, на гусях и органах... Матушка, принесите гитару, и *воспляшем*.

Обратим внимание на то, как гости и попадья отреагировали на его речь:

⁵⁸ Рыбаков. Язычество древней Руси. С. 678.

⁵⁹ Славянская мифология. С. 49.

⁶⁰ Там же. С. 690.

⁶¹ Рыбаков. Язычество древней Руси. С. 694.

Тут произошло что-то невообразимое: уткинская барышня, *фыркая, выбежала из комнаты, спотыкаясь о половик; лицо урядника стало свирепым и диким, губы же заплясали от смеха; а нелепая и красная в этот миг попадья, задыхаясь, накинута на Дарьяльского, как свинуха, защищающая от волка свинят.*

– Странные даже очень ваши слова: ни смыслу, ни складу в них нет никакого[...] У других в глазах сучки подмечаете, а у самого-то – во какое в глазах бревнище: на всю округу видно; мы, слава Богу, не какие-нибудь такие[...] Вас, – не унималась попадья, – я попрошу дома нашего не посещать... (СГ. С.184-185)

Мы знаем, в чем причина ее гнева. Она оскорбилась на его слова о том, что ее муж-поп пляшет (на самом деле поп не пляшет, а разыгрывает воображаемое взятие Карса). Только Дарьяльский не понимает кощунственного, языческого значения пляски, другие же это прекрасно осознают. Это очевидно и в разговоре между ним и дьяконом Александром Николаевичем:

– А я вам говорю, Александр Николаевич, *поп пойдет в пляс во славу Божию...*

– Христос с вами, Петр Петрович, какая там слава Божья: едак всякий пьяница, гласящий из кабака, – глашатай; так ведь *это бывает у хлыстов, ни у кого иного; срамное веселие свое почитают за духовное озаренье...* (СГ. С. 181-182)

Иначе говоря, в начале XX в. образованные люди, интеллигенция наверняка знали, что пляска как молитва – это проявление язычества. Возможно ли, что Дарьяльский, окончивший университет и читавший “Аристофана и Вилламовица-Меллендорфа” (СГ. С. 69), не знал об этом? Конечно, знал. Просто его заколдовал Кудеяров, глава секты «Голубей», и Дарьяльский не может ничего понять и вообще мыслить, “будто душу его кто-то вынул” (СГ. С. 181). Иными словами, он “все мудрые слова позабыл” (СП. С. 204).⁶²

62 Это цитата из стихотворения «Работа» (1904) в «Пепле». Между персонажем в «Работе» и Дарьяльским мы найдем общее. Как и Дарьяльский, персонаж в «Работе» забывает все свое прошлое, занимаясь столярной работой, и около него всегда присутствует образ прачки:

На дворе с недавних пор
В услуженье ты у прачки. [...]
Вдоль бревна скользит рубанок,
Завивая стружки.
Там в окне я из-за банок
Вижу взгляд подружки.

Душевное состояние персонажа в стихотворении «Все забыл» (1906) в «Пепле» тоже напоминает Дарьяльского:

Я без слов: я не могу.
Слов не надо мне.

Итак, поэт изобразил пляску попа в стихотворении «Веселье на Руси», хорошо зная ее особое значение. Кроме того, в этом стихотворении не только пляшут, но и поют народные смешные песни, несмотря на то, что церковники их запрещали. Эти “так называемые стихи, представляющие яркую смесь понятий христианских с воспоминаниями язычества, во всем простонародьи пользуются уважением наравне с церковнослужебными песнями”.⁶³ Об этом тоже знал автор. В «Серебряном голубе» сектантка Матрена поет именно такую смешную песню:

Чудная у него (Кудеярова, главы секты. – В.К.) была баба [...] все на звезды смотрела; как затеплятся звезды, выйдет она на двор и все-то жалобным голосом своим распевает: *не то стих духовный, не то любовную песню срамную* (СГ. С. 31).

Кстати, и в русских сказках поп часто пляшет и поет народные песни (и даже во время обедни). В сказке «За упокой» жена недавно умершего богатого купца заказала попу сорокоуст. Поп обещал помянуть ее мужа за одну обедню тысячу раз за большие деньги. Купца звали Титом. Во время обедни стали дьякон и псаломщик повторять имя тысячу раз, а поп про поминание забыл и начал танцевать:

«Тита-тита-тита-та-та!
Тита-тита-ти-та-та!»

Прихожане испугались и разбежались из церкви» (Сказки. С. 194).

И в сказке «Безграмотная деревня» безграмотный поп и дьякон, не зная, как служить обедню, решили петь такую песню:

О-о-о! Из-за острова Кельястрова
Выбегала лодочка осиновая,
Нос-корма раскрашенные,
На середине гребцы-молодцы,
Тура-мара и пара.

И безграмотный дьячок поет:

Вдоль по травке, да вдоль по муравке,
По лазуревым цветочкам...

(Сказки. С. 191)

Согласно примечанию Н.Е. Ончукова песню дьячка на мотив веселой плясовой песни (Сказки. С. 191) церковники считали языческой.

На пустынном берегу
Я почил во сне.

[...] Знал, забыл – забыть не жаль –
Все забыл давно.

63 Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 338.

И все же между этими “кощунственными” сказками и «Пеплом» существует большая разница. В сказках такое кощунственное поведение священников не воспринимается всерьез и ни к чему не ведет, это только насмешка. А стихотворение «Веселье на Руси» имеет совсем другое настроение. В конце стихотворения после описания пляски атмосфера драматически меняется.

Раскидалась в ветре, – пляшет –
Полевая жердь [...]
Над страной моей родною
Встала Смерть

(СП. С. 132)

Кощунственное поведение священников в нем прямо связано со “Смертью”. “Смерть” с большой буквы – вряд ли смерть одного человека. Это смерть христианской веры, христианской России и возрождение языческой России.

5. ВЕНОК КАК СИМВОЛ ЯЗЫЧЕСКОГО ВЕРОВАНИЯ В ПРИРОДУ

В «Пепле» не раз появляется персонаж с венком. Например, в стихотворении «В полях»:

Над простором плету, неподвижен,
Из колючей крапивы венок.

(СП. С. 183)

Этот венок тоже можно считать символом упадка христианства. Во-первых, безусловно, это пародия на христианский венок. Во-вторых, мы найдем венок на голове Диониса (вино, пьянство – важный мотив в «Пепле»). И, в-третьих, венок прямо ассоциируется со славянским языческим обрядом. Для славянского язычества было характерно многообразие форм культа. Некоторые ритуальные действия “не требовали почти никакого реквизита, кроме *венка из цветов, свежесорванной ветки березы или разведенного на берегу костра* (выделено нами. – В.К.)”.⁶⁴ В «Серебряном голубе» Дарьяльский стал ходить с венком после того, как он начал жизнь сектанта, и в этом эпизоде венок, очевидно, свидетельствует об изменении его душевного состояния, о склонении к язычеству. Вообще венок – символ языческого верования в природу. Одна из важных черт славянского язычества – почитание природы, поскольку древнему земледельцу нужно было “воздействовать на природу, воззвать к ее вегетационной мощи”.⁶⁵ И языческие обряды проходили на природе: “Подавляющее большинство древнеславянских языческих празднеств и молений проводилось общественно, являлось «событием», совместным заклинани-

64 Рыбаков. Язычество древней Руси. С. 121.

65 Там же. С. 134

ем природы и проводилось не в доме или поселении, а за пределами житейского бытового круга”.⁶⁶ Христианское духовенство строго запретило языческие верования “в солнце же и огонь и во источники же и в древа и во ины различны вещи”,⁶⁷ объясняя их «кознями дьявола». Тематика стихотворений «Полевой пророк», «На буграх», «Полевое священнодействие», «Последний язычник» явно основана на такой традиционной связи природы и язычества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы показали, в «Пепле» символически изображен упадок христианства, конец “святой Руси” и возрождение славянского язычества. Автор попытался деконструировать миф о “святой Руси”. В «Пепле» фигурируют и другие мифы, не рассмотренные в этой работе, – “миф Аргонавта”, “миф гармоничной Руси” в виде реминисценции русской литературы (Лермонтов, Есенин), “миф русской народной песни”. Используя мотивы этих мифов, автор то изображает современную Россию в контрасте со старыми мифами, то обогащает художественное пространство.

Мотивы язычества, “новой религии” и упадка христианства, исследуемые в статье, после «Пепла» более широко раскрываются в стихах, романах, статьях, мемуарах и даже в некоторой степени в собственной жизни автора. «Пепел» – это начало исканий, душевного скитания автора, который покинул старый “город” и вышел на открытое “духовное поле”, подобно странникам, изображенным в этом сборнике.

66 Там же. С. 134.

67 Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 46-50.